

— Наглец! Что ты творишь с господином Сукуной?!

Увидев невообразимую картину, Ураумэ яростно насупился. Его проклятая энергия мгновенно обратилась в стремительный морозный вихрь и с шипением рванулась прямо к Харе.

Однако не успел ледяной шквал коснуться юноши, как Сукуна лениво вскинул руку и без малейшего труда развеял атаку.

Ураумэ, только что мчавшийся вперед, застыл на месте. Покрытый инеем, он в полном замешательстве переводил взгляд то на своего повелителя, то на потрясающе красивого юношу в его руках.

— Господин Сукуна?!

В голове слуги это просто не укладывалось: этот паршивец посмел ранить господина! Неслыханная дерзость! По характеру Сукуны, наглеца следовало немедленно искромсать на мелкие кусочки. Но почему тогда великий проклятый всё еще бережно прижимает его к себе?

Ураумэ честно пытался найти этому логическое объяснение, но так и не смог.

— Пустяки, — бросил Сукуна.

Его взор был прикован к юноше в своих руках. Сукуна с явным удовольствием наблюдал, как Харе яростно прокусил его предплечье, а затем, спрятав клыки, прижался мягким, теплым и влажным языком к ране, бережно слизывая и прихлебывая алую влагу. Это зрелище приносило странное удовлетворение.

Кожа мальчишки казалась совсем бледной — должно быть, он смертельно устал после долгого пути. Губы тоже почти обесцветились, и лишь сейчас, омытые чужой кровью, они вновь налились ярким, соблазнительным багрянцем.

Юноша был чертовски голоден. Он глотал так торопливо, что из горла его вырывались тихие, едва слышные звуки, похожие на урчание кормящегося зверька — тихие, прерывистые и невольно волнующие.

Сукуна смотрел на него сверху вниз и, даже не повернув головы к слуге, лениво протянул:

— Я ведь уже говорил тебе, Ураумэ, что с этим паршивцем хлопот не оберешься.

— Хм-м, — недовольно промычал Харе.

Возмущенный такими словами, он, не отрываясь от своего «источника жизни», насупился и издал тихий протестующий стон.

Алая струйка сорвалась с уголка его губ. Мальчишка откинул голову назад, и капля крови неторопливо покатилась по его шее, скользнула по подрагивающему белому горлу, прочертила дорожку к ключице и скрылась под воротником.

Красноречивый след не укрылся от пристального взгляда багровых глаз. В памяти Короля проклятий мгновенно вспыхнули картины чувственной близости, ласк и безумного сплетения тел, которые эта плоть когда-то знала.

Вслед за воспоминаниями пришло и фантомное телесное наслаждение. Сукуна прикрыл веки, затем снова разомкнул их, и на его лице отразилось глубокое раздумье.

«Кое-чего я на самом деле еще не совершал, но почему-то отчетливо это помню... Не слишком ли это несправедливо по отношению ко мне?»

— Но, господин, вы не должны позволять ему так беззастенчиво... — Ураумэ до боли сжал кулаки, яростно буравя взглядом Харе.

Он понятия не имел, откуда взялось это проклятие, но то, что этот наглец при первой же встрече посмел причинить вред господину Сукуне, прощению не подлежало!

Харе наконец оторвался от раны. Почувствовав, как в тело возвращаются силы, он слабо покачал ногами, пытаясь высвободиться. Висеть вот так на глазах у посторонних было чертовски неловко. К тому же ему не терпелось рассмотреть стоящего поодаль коротышку со смешной стрижкой под горшок. Это и есть тот самый Ураумэ?

Ему безумно хотелось узнать, насколько же божественно готовит этот человек. Харе высунул голову из-под мышки Сукуны, пытаясь разглядеть слугу, но в следующее мгновение до ушей донесся свист ветра, и едва различимый силуэт стремительно уменьшился до крошечной точки.

Что происходит?

Харе растерянно моргнул, глядя в привычную непроглядную тьму, а оставшийся далеко позади Ураумэ со священным трепетом и недоумением провожал взглядом исчезающего в небесах господина.

— Возвращайся в поместье, за мной не идти, — донесся до него короткий приказ.

Сукуной овладел внезапный каприз — ему нестерпимо захотелось посетить одно любопытное местечко.

Поскольку перед глазами Харе расстилалась беспросветная тгла, ему было решительно все равно, куда его тащит Сукуна. Юноша просто притих, устроившись поудобнее на этой ходячей печке, и помалкивал.

Вскоре снизу донесся многоголосый гул. Кричали уличные торговцы, звенел детский смех, прохожие негромко переговаривались — судя по всему, они оказались в каком-то оживленном городке.

Харе так давно не слышал этих звуков бьющей ключом человеческой жизни. Словно дикий зверь, долго скитавшийся в глуши, он вновь вернулся к цивилизации. В груди шевельнулась неожиданная тоска по прежним дням, и он инстинктивно опустил голову, пытаясь рассмотреть происходящее внизу.

Но перед глазами была лишь вечная чернота.

— Вижу, тебе нравится, — уловив его движение, Сукуна мягко приземлился на одну из крыш и негромко усмехнулся. — Место, куда мы направляемся, понравится тебе еще больше.

— И куда мы... Погоди. Ты ведешь меня туда? — машинально спросил Харе, но тут же спохватился: — Насколько я знаю, в этом мире тебя, мягко говоря, не особо жалуют.

— И что с того? — Сукуна небрежно зашагал по черепице, ни капли не заботясь о таких пустяках.

В его голосе сквозило привычное, безграничное высокомерие.

Харе лишь молча вздохнул.

Как бы то ни было, этот четырехрукий монстр оставался единственным, кого Харе знал в этом чужом времени. Только рядом с ним юноша начинал чувствовать зыбкую связь с новой реальностью — хотя бы потому, что с ним можно было пререкаться и разговаривать.

Помолчав, Харе едва заметно улыбнулся. Это была его первая улыбка с тех пор, как он очутился здесь.

— Какое совпадение, — негромко произнес он. — Меня ведь тоже никто не любит. Так что...

— Так что?

Харе уже представлял, в какую панику впадут горожане, завидев их сладкую парочку.

И действительно, не успел он договорить, как округу сотрясли пронзительные, полные ужаса вопли:

— А-а-а-а! Спасайтесь!

— О боги! Что *он* здесь делает?!

— Неужели этот монстр заодно с чудовищем с горы Кумакума?!

— Помогите-е-е!

Испуганный шепот и крики раздавались со всех сторон. Обычные люди, парализованные внезапным появлением Двуликого спектра, даже не осмеливались произнести его имя вслух, благоговейно и со страхом именуя его лишь «тем самым господином».

Слышался топот бегущих в панике ног, грохот опрокидываемых прилавков и бьющейся посуды.

Харе почувствовал, как Сукуна занес его в какое-то помещение. Плотный, влажный и горячий пар подсказал, что они зашли в купальню. Народу здесь было предостаточно. Оглядевшись, юноша сквозь пелену тьмы различил лишь несколько зыбких силуэтов, очерченных проклятой энергией — судя по всему, это были зашедшие отдохнуть маги.

Те мгновенно почуяли неладное. Оправившись от секундного ступора, они бросились наперерез незваным гостям, стремясь заслонить собой обычных людей.

В бане воцарился невообразимый хаос. Источник этой суматохи тем временем вальяжно замер посреди главного зала купальни, хищно оскалив клыки.

— Как насчет небольшой игры? — лениво разнесся его низкий, бархатистый голос.

Стоило ему заговорить, как в огромном помещении мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Люди затаили дыхание, в ужасе зажимая рты ладонями и страшась даже взглянуть на явившееся им воплощение кошмара.

Сам же виновник переполоха выглядел так безмятежно, словно пришел на обычную прогулку:

— С этой секунды двигаться разрешено только тем, кому я позволю.

Те, кто пытался тайком проскользнуть к выходу, тут же оцепенели, боясь шевельнуть пальцем.

Вокруг стало так тихо, что слышно было лишь...

Харе слегка повернул голову на звук. Неподалеку стоял один из магов — его силуэт мелко дрожал, а грудь прерывисто вздымалась.

Раздался резкий скрежет вынимаемого из ножен клинка. Сорвавшись с места, безумец с криком бросился в атаку:

— Рёмэн Сукуна! Чудовище! Как ты смеешь заявляться сюда при свете дня?! Ты перешел все гра...

Сукуна лишь лениво шевельнул пальцами свободной руки. Крик оборвался на полуслове.

Маг застыл на полушаге с широко распахнутыми от ярости глазами, но в следующее мгновение его тело распалось на окровавленные куски. Кровь с секундным опозданием брызнула фонтаном, и обезображенные останки с глухим стуком повалились на деревянный пол.

— А-а-а-а! — новый, еще более исступленный вопль прорезал тишину, но никто так и не рискнул сдвинуться с места.

Сукуна опустил руку. На его лице играла на удивление благообразная, мягкая улыбка:

— Ну вот. Кто-нибудь еще не желает играть?

Да разве у них был выбор?

В зале слышались тихие всхлипывания. Люди падали на колени, вжимаясь головами в пол, не смея поднять глаз. Их распростертые тела красноречивее любых слов говорили о покорности.

Сукуна окинул взглядом дрожащую толпу и не торопясь подошел к дрожащему мужчине, по виду — смотрителю купальни.

— Приготовь мне лучшую комнату с личной купелью, принеси еды, а после — проваливайте отсюда к чертям.

Харе только мысленно вздохнул.

«Устроить такую бойню просто ради того, чтобы помыться... Степень его эгоизма поистине не знает границ».

Однако, оказавшись в комнате, Харе понял, что жестоко просчитался. Сукуна вовсе не собирался мыться сам. Он вознамерился искупать его.

Что за чертовщина?

Харе растерянno сидел на маленькой деревянной скамеечке у края купели. Проклятый опустил перед ним на корточки. Одной рукой он небрежно скинул с плеч хаори, двумя другими принялся расстегивать пуговицы на рубашке юноши, а четвертой уже вовсю распускал пряжку его ремня...

— Стой-стой-стой! Ты что творишь?! — Харе судорожно перехватил его ладонь, пытавшуюся вытянуть ремень, спасая свои штаны от досрочного исчезновения.

— Слышал я, что если приносишь в дом какую-то грязную зверушку, первым делом ее нужно хорошенько отмыть, — хмыкнул Сукуна.

Его руки продолжали бесцеремонно раздевать юношу, а в голосе сквозило неподдельное веселье.

Испачканная кровью рубашка полетела на пол. Харе, густо покраснев, изо всех сил вцепился в брюки:

— Я сам!

— Ты хоть что-то видишь? Сможешь нормально отмыться?

Харе лишился дара речи. Конечно, он ничего не видел, но тем не менее:

— Отойди! Я сам все сниму!

Очерченный проклятой энергией силуэт послушно поднялся. Харе, поспешно опустив голову, стащил с себя остатки одежды.

— Готово...

В ту же секунду на плечи обрушился поток горячей воды.

Сукуна бесшумно зашел со спины. Пользуясь преимуществом четырех рук, он зачерпнул ковшом воду и принялся поливать Харе. Кровь и грязь тут же потекли ручьями, обнажая бледную, чистую кожу.

Первым делом проклятый принялся растирать ему плечи. В купальне использовали какое-то особое средство для мытья — оно пахло свежими луговыми травами, приятно скользило по телу, а густая пена при каждом движении ладоней забавно шуршала и лопалась.

Сперва все шло вполне невинно. Однако в наступившей тишине Харе стал замечать, что прикосновения сильных рук становятся все более... двусмысленными.

Одно дело — мыть руки, но зачем настойчиво переплетать пальцы, медленно поглаживая их у самого основания?

Грудь и ключицы подверглись еще более тщательному уходу. Но ладно это — Сукуна ухитрился освободить еще одну руку, мягко обхватив его за шею. Мужские пальцы лениво очерчивали контур гортани, заставляя Харе что-то отвечать, а стоило юноше разомкнуть губы, как проклятый слегка надавливал на кадык.

Внезапное давление сбивало дыхание, прерывая слова на полуслове. Звуки выходили рваными, превращаясь в приглушенные, низкие вздохи, которые звучали непозволительно порочно.

«Кобель паршивый... Издеваешься надо мной!» — в ярости подумал Харе.

«Умница», — мысленно отозвался тот.

— А теперь подними ногу, — упивающийся процессом проклятый, который уже и сам изрядно промок, прижался к нему со спины. Его сильное предплечье скользнуло под колено Харе, приподнимая его бедро.

Из-за обильной мыльной пены кожа стала невероятно скользкой. Стоило ноге коснуться чужого предплечья, как она тут же соскользнула вбок. Выглядело это так, словно юноша сам бесстыдно раздвинул ноги, приглашая к продолжению.

Багровые глаза Сукуны довольно сощурились, а из груди вырвался низкий смешок. Не выдержав, Харе окончательно вспылil. Он с размаху влепил звонкую пощечину по мускулистому предплечью проклятого и, процедив слова сквозь зубы, ледяным тоном осведомился:

— Весело тебе, да?!

— Хах, — Сукуна даже не подумал отпираться. Он лишь довольно усмехнулся: — Вот теперь ты похож на человека. Наконец-то на твоём лице появилось хоть какое-то выражение.

До этого мальчишка казался настолько холодным и безучастным, словно в нем не осталось жизни. И только теперь, после долгих издевательств, он стал напоминать тот образ, что хранился в памяти проклятого. Определенно, в таком состоянии он нравился Сукуне куда больше.

Харе с опозданием осознал его истинный замысел. Он повернулся к нему, приоткрыл рот, но так и не нашелся что сказать.

Этот монстр всегда оставался верен себе — непостижимый и непредсказуемый.

— Эй, мы вообще-то еще не закончили. Если будешь так на меня пялиться, боюсь, мы зайдем слишком далеко, — Король проклятий накрыл затылок юноши своей широкой ладонью и мягко, но настойчиво пригнул его голову вперед. На его напряженных предплечьях проступили жгуты вен, а черные кольца татуировок на запястьях слегка сместились — одно это движение рук выглядело невероятно порочно и притягательно.

Приблизившись к самому его уху, он прошептал глубоким, бархатным голосом, диссонирующим с будничным смыслом слов:

— Не вертись. Склони голову, я вымою тебе волосы.

Сверху заструилась теплая вода. Влажные брызги полетели в лицо, однако облепившие глаза призрачные бабочки даже не подумали взлететь.

Сукуна пропустил сквозь пальцы влажные пряди. Белые, как свежесвыпавший снег, и лишь на самых кончиках едва заметно темнела прежняя чернота.

— Почему твои волосы побелели? — с любопытством спросил он.

— Тот, кто играет со временем, неизбежно станет его игрушкой, — тихо ответил Харе.

Находясь в бездонной временной расщелине, он внезапно осознал, почему его двойник превратился в то иссохшее существо. Пространственно-временные техники таили в себе смертельную опасность. Перемещение сквозь эпохи пожирало не только колоссальные запасы проклятой энергии, но и саму жизнь.

— Тот я... и я нынешний — мы оба оказались заложниками этой игры... — Харе понурил голову, но договорить ему не дали. На макушку вновь вылился ковш теплой воды, а следом на мокрые волосы опустилось мягкое полотенце. Сукуна принялся бережно промакивать его голову.

Вскоре полотенце исчезло, и тепло чужого тела за спиной на миг отдалилось. Сильные руки подхватили Харе, переноса его в глубокую деревянную купель, и горячая вода мгновенно дошла ему до самой груди.

Приятное тепло окутало его измученное тело. На поверхности воды покачивалось что-то круглое, то и дело задевая его локти при малейшем колебании волн.

Харе не мог видеть, но осязание его не подвело. Он наугад поймал один из плывущих плодов. Гладкий, упругий, источающий тонкий цитрусовый аромат...

— Юдзу? — удивленно спросил он.

Вода в купели шумно качнулась. Сукуна перешагнул через край и опустился напротив юноши, вольготно закинув мощные руки на деревянные бортики.

— Угу, — лениво отозвался он. — И не вздумай его есть. Кислятина несусветная.

Харе, уже собравшийся было очистить фрукт от кожуры, замер.

Вся радость мигом улетучилась. Он с досадой швырнул юдзу обратно в воду.

— Почему здешний ты тоже меня знает? И почему ты так... ко мне относишься?

«Заботлив? Терпелив?» — Харе никак не мог подобрать верное слово. Ему казалось, будто Сукуна из эпохи Хэйан наперед знает о нем абсолютно все. Более того, если это не было игрой его собственного воображения, древний Король проклятий сейчас обходился с ним... почти нежно.

Это казалось невыносимым. Он и представить не мог, что это безжалостное чудовище способно на подобную мягкость.

— Не бери в голову. Я всегда поступаю лишь так, как мне вздумается. А что касается нашего знакомства... — Сукуна подался вперед. Его мускулистые, покрытые татуировками руки легли на края купели по обе стороны от Харе, отрезая тому любые пути к отступлению. Губы проклятого растянулись в хищном оскале.

— Однажды я проснулся и обнаружил в своей голове кучу воспоминаний о тебе. Из-за них мне вдруг стало невыносимо одиноко. А ведь меньше всего мне нужны столь бесполезные чувства. И в этом виноват только ты. Поэтому я решил: если ты действительно существует, то заставишь меня забыть об этом одиночестве. И сполна за все заплатишь.

При каждом движении его губ черные узоры на волевой челюсти причудливо изгибались, делая его лицо пугающе порочным и одновременно неодолимо притягательным. Бархатный, вкрадчивый голос звучал так, словно Король проклятий читал древнюю, завораживающую сказку.

Харе мгновенно все понял. Должно быть, тот отсеченный палец вернулся к первоисточнику, передав оригиналу все воспоминания о пережитом в будущем.

«Заплатить?.. И как, интересно, я должен расплачиваться?» — юноша демонстративно отвернулся, делая вид, будто его это совершенно не касается.

Хищник, вышедший на охоту, обладал ангельским терпением. Ничуть не смутившись его молчанием, Сукуна плавно перевел тему. Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся лица Харе у самых глаз:

— Знаешь, почему эти твари облепили твое лицо и ни за что не желают улетать?

<http://bllate.org/book/19043/2005248>